

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

Иоакимо - Анновского храма Можайского благочиния Московской епархии РПЦ
"Глаголь"

«ГОВОРЯТ, ДАЖЕ В КОМЕ ОН ВОЗДЕВАЛ РУКИ К БОГУ»

Светлой памяти архиепископа Алексия (Фролова)

Архиепископ Костромской и Галичский Алексей (Фролов)

Было утро праздника Введения храм Пресвятой Богородицы. В чернильных сумерках желтый бульдозер усердно утюжил дорожки Костромского Богоявленского монастыря, превращая их в ледяной каток, и ранние богомольцы, едва не падая, скользили по направлению к семинарскому домовому храму к первой литургии.

Внутри перед иконостасом студент вполголоса читал часы, остальные тихо ждали начала богослужения. Вот из алтаря вышел проректор семинарии отец Георгий, жестом остановил чтеца и сказал: «Братия! После литургии будет панихида по нашему ректору...» А ректором Костромской семинарии являлся архиепископ Алексей.

Все, свершилось...

Полтора года православные костромичи и те, кого привлек сюда владыка, ждали вестей из московской больницы. Вот ему сделали операцию, вроде бы успешно; он поправляется — уже дает указания из палаты, подписывает документы, собирается служить на Рождество, на Благовещение... А потом, словно удар, — у владыки Алексея случился инсульт, он находится в коме. И опять долгие месяцы ожидания и вера в то, что сильный духом владыка Алексей победит болезнь. Мы все ясно чувствовали его присутствие, его молитвы о нас, но мы все нуждались в его живом присутствии.

И вот все закончилось...

По большому счету, я не должен писать эти строки, потому что есть люди, которые знали его гораздо лучше, общались с ним значительно чаще. Он был всего лишь мой работодатель, а я был его работник, виделись мы редко и говорили большей частью о делах. Тем не менее, я дерзаю сказать о нем краткое надгробное слово.

Познакомились мы с ним лет десять назад, когда режиссер Сергей Харлов предложил мне написать несколько инсценировок для радиосказок. Это была идея владыки Алексея, который считал, что для детей нужна «мягкая» духовная пища, где говорилось бы о добре и зле, о любви и ненависти, о других важных вещах.

Ребенку трудно сразу постичь Евангельские глубины, жития святых или Пролог. С ним нужно научиться говорить о духовной жизни через сказку, к которой он привык с младенчества. Такова была идея владыки.

Я был заочно согласен с ним. Перечитал кипу русских народных сказок на предмет их инсценировки, и ... ничего не нашел. В наших сказках много говорилось о колдунах и леших, о бабе яге и прочей нечисти, а о христианстве, о Церкви, о евангельских историях — не было ни слова.

— И не нужно искать русские, нужно брать истории общеизвестные: сказки Андерсона, Гауфа, Клайва Льюиса, например, — удивил меня владыка во время первой нашей встречи. Народная молва называла его убежденным консерватором и русофилом, а здесь — Андерсон, Льюис...

Впрочем, смущение быстро прошло, потому что владыка имел редкий дар убеждения. Он не давил на собеседника своим знанием и авторитетом, но говорил так убедительно и интересно, что ты быстро

соглашался с ним, а после дальнейшего размышления окончательно убеждался в его правоте.

Я ехал из Новоспасского монастыря под сильным впечатлением от встречи с этим человеком и в уме перебирал все, что раньше о нем знал.

Это были факты общеизвестные: родился он в послевоенной Москве в 1947 году; в конце 60-х пришел к вере, закончил семинарию, академию в Сергиевом Посаде и до своего назначения в Новоспасский монастырь в Москве оставался лаврским архидиаконом, преподавателем семинарии, хранителем в церковно-археологическом кабинете. (Отсюда, кстати, его глубокие познания в истории и богословии православной иконы).

Потом был Новоспасский монастырь, который пришлось тогда восстанавливать с нуля, как и все в нашей Церкви.

Честно говоря, я не понимаю, что могут сказать эти сухие факты биографии для человека нецерковного, не знавшего владыку лично.

Но я-то знал кое-что еще...

Мой друг Виктор Васильевич Бурдюг, который в середине восьмидесятых нес четырехлетнее «лагерное послушание» за подпольное издание православной литературы, был другом детства владыки Алексия, тогда еще Толи Фролова. Он рассказывал, что их детство было обычное, послевоенное, вполне советское.

Во время школьных каникул старшекласники Фролов и Бурдюг вместе с другими приятелями отправлялись куда-нибудь в нижегородскую глушь, где жили в заброшенных сараях, общались с простыми бабушками, которые поили их молоком, пели им песни, рассказывали старинные предания и истории. В том числе они, конечно, говорили отрокам и о вере Христовой...

Знал я еще, что практически сразу после крещения юноши отправились в белгородскую землю, где жили великие подвижники — отец Серафим (Тяпочкин) и его духовник — архимандрит Геннадий — в схиме Григорий — (Давыдов). Это были настоящие святые, пострадавшие за веру, проведенные в лагерях не один год и приобретшие там подлинное смирение и любовь Христову.

Отец Геннадий до самой своей кончины в 1987 году оставался духовным отцом владыки...

Мне было известно, что владыка Алексей во время своих отпусков часто ездил в Тбилиси к митрополиту Зиновию (Мажуге), а также успел насладиться общением с архимандритом Андроником (Лукашом) и прочими Глинскими старцами. Но самым близким по духу (да и по возрасту, наверное) был для него из этой славной когорты отец Виталий (Сидоренко) — самый необычный и загадочный старец конца XX века.

«Надо раздавать, а мы приобретаем; надо слушать, а мы ропщем; надо отсекаать волю, а мы ею живем; надо возненавидеть сей мир и все его утехы, а мы любим его — и в итоге идем наперекор заповедям Божиим. И тогда везде тяжело», — эти слова отца Виталия в той или иной интерпретации я много раз слышал от владыки Алексея — и в проповедях, и в частных беседах. Кстати, последний наш разговор в Костроме накануне его болезни был как раз о значении старчества. «Они начертали нам ясный путь, по которому можно достичь Царства Небесного, но мы почему-то плутаем по другим дорогам...»

А тогда, десять лет назад, в Новоспасском, наши разговоры при встречах были в основном о сказках, об искусстве, о Нарнии, о русской истории. Иногда, правда, говорили о вещах духовных, но эти слова почему-то не запечатлелись в памяти...

Работать с ним было очень приятно. В том смысле, что он практически не вмешивался в нашу работу. Он давал нам определенное направление и отходил в сторону.

«Вы же профессионалы, — говорил он, — вы лучше знаете, как это делать».

Эта владыкина доброта расслабила нас и едва не довела до греха.

Где-то на третьей-четвертой «Нарнии» (я имею ввиду радиоспектакли, конечно) мы с режиссером решили немного поэкспериментировать и сделать что-то вроде звукового мультика, чтобы бобры и белки говорили «звериными» кукольными голосами. Думали: владыка, наверняка, наши сказки не слушает, не до того ему.

И просчитались... Буквально на следующий день мы были вызваны на «ковер» к архиерею и были очень строго отчитаны за самовольство.

«Это что за кривлянье? Что за сюсюканье? Сказки, друзья мои, — очень серьезное дело, и звери в них — те же люди, ведь они владеют словом. Вас же дети слушать будут!..»

В общем, попало нам тогда очень крепко, и мы больше не пытались экспериментировать, а относились к своей работе со всей серьёзностью и ответственностью.

Благодаря владыке Алексею мы сделали 16 радиоспектаклей, поставили во МХАТе им. Горького детский спектакль по Вильгельму Гауфу, который идет на сцене до сих пор...

Он как никто другой из современных архиереев мог найти ключик к уму и сердцу людей, которых мы называем интеллигентами. Он считал культуру и искусство очень важным делом в христианском просвещении общества, только скорбел оттого, что художники заняты «непонятно чем». Одни стремятся в политику, другие — в бизнес, третьи — в рюмку, четвертые — самовыражаются, а те, кто приходят в церковную ограду, быстро осваивают специальность дворника, сторожа или развозчика церковной литературы.

«Вы должны заниматься своим делом, то есть искусством, а не торговлей книжками!» — говорил он.

При этом церковное служение человека он ставил выше всего, но говорил, что для этого нужен талант. Есть талант художника, есть талант режиссера, есть талант писателя, а есть талант церковного служителя.

«К сожалению, в храме сейчас очень мало по-настоящему талантливых людей. Как и везде, впрочем», — так говорил он.

Потом мы встретились с ним в Костроме...

Тот же Харлов Сергей Васильевич, который перебрался в славный город на Волге вслед за своим духовным отцом, попросил меня приехать, чтобы помочь выбрать колер для покраски внутри кафедрального собора.

«А зачем красить? — удивился владыка, — надо расписать»...

Так мы оказались в Костроме...

Это было счастливое время. Владыка Алексей сам определял, какие сюжеты писать на той или иной стене, и всячески поддерживал

нас добрым словом. Мы жили в гостинице рядом с епархиальным управлением, где тогда обитал владыка, а потому часто пересекались с ним во время его вечерних прогулок. Он всегда говорил какое-то приободряющее слово, просил не спешить и не перетруждаться.

А сам, казалось, спешил сделать в своей епархии как можно больше. Это касалось не только Богоявленского собора, который мы расписывали, но и семинарии и Ипатьевского монастыря.

Например, такая деталь: здание кафедрального собора и все строения Анастасьино-Богоявленского монастыря за многие столетия как бы погрузились в землю, а поэтому их стены тянули влагу и очень быстро разрушались. За год с небольшим пребывания здесь владыки было снято в некоторых местах до полутора метров земли, и здания как бы поднялись, выросли, освободившись от земного плена.

Каждый день владыки начинался у чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Он посещал почти все монастырские службы, очень часто заменял на клиросе чтецов — читал кафизмы и каноны.

Иногда часами сидел на скамейке в храме, беседуя с обыкновенными прихожанами. В нем не было «начальственности», которая так свойственна многим нынешним архиереям. Он был очень прост и доступен, но при этом весьма строг. Иногда он останавливал службу, шел в тот угол, откуда раздавался шум в храме, и объяснял, что храм — это место, где беседуют с Богом, а не друг с другом...

А потом он заболел... Мы почему-то не сомневались, что владыка Алексей снова вернется, и жизнь церковная в Костроме забьет живым и веселым ключом...

Но Господь уготовал ему другой путь. Путь туда, куда он больше всего стремился и призывал своих духовных детей. Туда, где живут во свете присносущном его достоблаженные учителя — отец Григорий, отец Виталий, глиньские и троицкие подвижники.

Говорят, он воздевал свои руки к Богу даже тогда, когда находился в коме. Еще говорят, что он истово молился, когда язык не слушался его. Настоящий раб Божий и великий архиерей. Ему хорошо там, на берегу Божьей реки, а нам будет очень не хватать его здесь, на наших реках Вавилонских...

«Блаженны непорочные в путь...»

Владимир Щербинин

ТОРОПИТЬСЯ НЕ НАДО

Давайте поговорим о чем-то святом, только по-быстрому. То есть, о чем-то возвышенном, но на бегу. Кратко. Например, столкнувшись лбами в переходе метро. «А, жив, курилка? Ну, как там? Говори, пока поезд не подъехал»

Длинные разговоры нам – против шерсти. Устали от слов. Нет, мы способны на раздумье. Не сомневайтесь. Просто сейчас не досуг. А может, телевизор нас портит. Стоит зазвучать серьезным ноткам, как тут же: «У нас осталось очень мало времени. Последний вопрос»

Режиссеры любят зрителя. Страшно боятся, что он перед ящиком уснет. «Меняйте план! Давайте новостную нарезку! Не томите зрителя»

Убили, взорвали, подписали... Рухнуло, выпало, договорились... Подорожало, лопнуло, ожидается... Иллюзия информированности.

«А у тебя что? Ну, брат. Это же метафизика. Скука. Говори, конечно, но не утомляй. Чехова помнишь? Краткость – сестра таланта. Краткость. Не забыл? И если винтовка в начале висит, то в конце стреляет. А еще в человеке все должно быть красиво, в том числе – одежда, то есть и пиджак, и запонки»

**

«Мы так долго жили вместе, а, кажется, ни разу по душам не поговорили» Ой, как много людей эту фразу произносят в семьях тогда, когда то, что осталось в прошлом уже без сомнения превышает то, что ждет впереди.

**

Темп ускоряется. Многих одноклассников уже нет в живых. Жуткий факт. Некоторые из тех, кто с чернильными пятнами на руках сидел рядом с тобой за партой, уже лежат в земле.

По ним уже прозвонил колокол. Тот утес, о котором говорил Донн, продолжает крошиться. Камни падают в море и все это нас напрямую касается.

**

Нужно убрать зеркала. Нужно внести законопроект, разрешающий смотреть в зеркало не чаще, чем раз в пол года. Тогда изменения, происходящие с нами, станут очевидны для нас самих, а не только для окружающих. Ничего, что мы поначалу будем падать в обморок. Ничего, что добавим работы «Скорой».

Потом мы поумнеем. Пошлость ежедневного рассматривания своих собственных черт сменится стоическим мужеством. К зеркалу мы будем, в соответствии с законом, подходить, напевая песню, для исполнения которой не нужен ни слух, ни голос. Я имею в виду шедевр Кикабидзе «Мои года – мое богатство»

**

Марфа хлопочет об угощениях. Ее труды священны, хотя Господь и не лакомка. Она служит Ему, как может. Но ей кажется, что все должны метаться по дому и суетиться, как она. Любой хлопотун хочет, чтобы весь мир с ним вместе хлопотал. А это не так. Кому-то нужно сесть у Господних ног молча. Нужно слушать и никуда не спешить.

Их так мало, этих людей, которые способны не спешить, сесть и слушать. Во всем Евангелии – пару человек. Никодим приходил ночью. Самарянка у колодца не спеша беседовала, да вот – Мария, Марфина сестра, сидела у ног, впитывала Слово, как земля – воду, и не могла насытиться.

Мало людей порадовало Христа внимательным и неспешным разговором. А ведь телевизоров не было! Суета была, а телевизоров не было. Делаю вывод, что это мы телевизор испортили, а не он нас. Но он ли, мы ли, суть не меняется. «Мы должны вернуть обществу полноценного члена, так сказать. Торопиться не надо».

Протоиерей Андрей Ткачев

«ХОЧУ СТАТЬ ТАКОЙ, КАК ТВОИ ЧУДАКИ»

Записки экскурсовода

Паломничество

Раньше люди старались совершать паломничество так, чтобы понести какой-то труд, принести жертву. Часто шли пешком, стирая ноги в кровь. Похоже, времена эти минули в прошлое, и сейчас мы предпочитаем комфорт в поездке. Но не все.

После экскурсии паломница делится рассказом о своей бабушке:

«Едем мы на поезде в Оптину: я, муж и наша бабушка старенькая. И вот она ходит тихонечко по вагону туда-сюда, туда-сюда. Муж не выдержал:

– Бабуся, ну что же вам спокойно-то не сидится? Зачем вы всё ходите?

– Я иду в Оптину Пустынь!»

Про Дашеньку

– Мы к вам на экскурсию – всей семьей! Да, мои! Два сыночка и лапочка дочка! А я вот вам сейчас расскажу, пока народу нет. Ребята, погуляйте немножко. В книжную лавку? Можно, только Дашу за руку возьми...

Что же я рассказать-то хотела? А – вот: ждала первого ребенка, думала – дочка, назвать хотела – Дашенька. Родился сын. Хорошо: вторая дочка будет. Забеременела вторым. Опять сын. Тоже хорошо: два сына! Через девять лет только снова забеременела. Мать у меня неверующая, стала донимать: «Делай аборт! Не прокормишь троих. Кто ты такая? Простая телятница...» – «Нет, мама, там моя дочка Дашенька...» – «Там пацан опять... Делай аборт, тебе говорю!»

А с ней не спорю, чтобы не расстраиваться, а сама время тяну, вот уже пять месяцев беременности – поздно аборт-то делать! Родила – дочка! Дашенька! 2.400. И вот никак младенчик вес не набирает. Набрала 2.500 и – никак. Ей уже три месяца, а она всё 2.500. Положили нас в Калуге в областную больницу на обследование. Врачи ничего

понять не могут. Она кушать – кушает. А в весе не прибавляет. Заговорили об операции. Я – реву.

А в палате со мной матушка с ребенком лежала. Она меня с Дашенькой – в охапку, к мужу-священнику отвезла – и он нас обеих окрестил. Я сама-то тоже некрещеная была.

И что вы думаете?! После крещения ребенок стал быстро набирать вес! Сейчас Дашеньке четыре с половиной. Умница! Мне помогает во всём, даже полы метет. Приду с фермы, а она как обычно спрашивает: «Мама, что делала? Муку кормила?» – «Кормила, доча, кормила».

Не поняли?! Это она с младенчества так телят зовет! Знаете, я даже сама после крещения изменилась. Да-да! Я была какая-то... жестокая такая... агрессивная... Скажет кто-нибудь что-то не по мне, я хожу – злюсь, всё думаю об этом, всё придумываю, как бы ответить позлее, чтобы отомстить, значит.

А сейчас: обидят – да и ладно! А я и не расстроилась! Как-то легче на душе стало после крещения, как-то веселее. Я ведь не умею толком-то объяснить... Понимаешь?

– Понимаю.

– Вот и рассказала... А теперь можно нам экскурсию по Оптиной?

Что же мешает нашему спасению?

Отец иеродиакон Н. рассказывает, как стал свидетелем разговора паломников с владыкой Феогностом, приехавшим в Оптину.

– Владыка, благословите! Разрешите задать вам вопрос... В наше время так много факторов, мешающих спасению души: глобализация, высокие технологии, виртуальные реальности, которые на самом деле расчеловечивают человека; компьютерные игры и бесконечное общение в социальных сетях, отрывающее людей от реальной жизни; монстры телевидения, которые зомбируют зрителей, – опасностей миллион! Как вы полагаете, что же является самой большой опасностью для спасения души и жизни по заповедям Божиим?

– Эгоизм.

– ...